

1

КОГДА СТРУЯ КРОВИ ИЗ НОСА НАКОНЕЦ УТИХЛА и я избавился от промокших бумажных полотенец, Тедди Барнс настоял на том, что доставит меня домой в своей дряхлой “хонде сивик”, эта машина отказывается сдохнуть, а скряга Тедди отказывается ее менять. Джун, его жена (она-то себе цену знает), разъезжает в новеньком “саабе”.

— Сиденье можно отодвинуть, — посоветовал Тедди, когда заметил, что колени практически упрутся мне в подбородок.

Мы остановились на перекрестке, пропуская поток, и я пошарил сбоку от сиденья, нащупывая кнопку.

— В самом деле?

— Теоретически да, — ответил он академически и беспомощно.

Теоретически я и сам знал, что отодвигается, но оставил попытки осуществить это на практике, теша себя иллюзией страдания. Не скажу, что мне свойственно манипулировать людьми, пробуждая в них чувство вины, но я могу играть эту роль. Я испустил драматический вздох, подразумевающий, что все это чушь, мои длинные ноги удобно размещались под рулем моего “линкольна”, такого же древнего, как “хонда” Тедди, но выполненного в масштабах куда более подходящих для длинноногих Уильямов Генри Деверо, двое из которых, мой отец и я, обитают ныне в этом мире.

Тедди до безумия осторожный водитель, ни за что не перестроится в потоке, чтобы свернуть влево.

— Расстояние между машинами неподходящее, ничего не могу поделать, — пояснил он, заметив мою ухмылку.

Тедди, как и мне, сорок девять лет, и хотя лицо у него молодое, признаки среднего возраста уже вполне очевидны. Грудь, и прежде не отличавшаяся мощью, сделалась впалой, из-за чего заметнее небольшое брюшко. Руки нежные, почти женские, безволосые. Толстые ноги как будто утопают в штанинах. Когда я так пристально к нему присматриваюсь, меня неизменно посещает мысль, что Тедди было бы нелегко начать все сначала, то есть освоить незнакомые приборы, вступить в состязание, найти себе пару. Это для молодых людей.

— Зачем начинать все сначала? — спросил Тедди. От испуга морщины в уголках его глаз углубились.

Судя по тому, как Тедди уставился на меня, я высказал свои мысли вслух, хотя сам того не заметил.

— Тебе никогда не хотелось иметь такую возможность?

— Какую возможность? — переспросил он и отвлекся. Заметив брешь в потоке транспорта, он снял ногу с тормоза и подался вперед, его стопа зависла над педалью газа, не нажимая на нее, но Тедди вновь решил, что зазор этот не столь велик, как ему показалось, и откинулся на спинку сиденья, устало вздохнув.

Что-то в его позе навело меня на мысль, нет ли доли истины в том слухе, который донесся до меня — о жене Тедди, Джун, — будто у нее роман с одним из младших сотрудников нашей кафедры. До сих пор я не придавал веры этому слуху, потому что Тедди и Джун — идеальная симбиотическая пара. На кафедре английского языка и литературы их прозвали Джинджер и Фред за ту легкость, с какой они двигались в совместном танце (ни намек на страсть) к единой общей цели. В атмосфере недоверия, подозрительности

и мести сыгранная пара — это мощная сила, и никто не понимал эту печальную университетскую максиму лучше, чем Тедди и Джун. Трудно себе представить, чтобы один из них подверг риску это преимущество. С другой стороны, непросто и состоять в браке с человеком вроде Тедди, который то и дело подается вперед, радостно предвкушая, нога над педалью газа, но слишком опаслив, чтобы наконец втопить.

Мы на Черч-стрит, улица тянется параллельно железнодорожному депо, которое делит Рэйлтон на две закоптелые и одинаково непривлекательные половины. Здесь самая широкая часть депо, два десятка железнодорожных путей, почти на каждом стоит ржавый вагон — или два ржавых вагона. Сто лет назад депо было заполнено и Рэйлтон процветал, жители его верили в обеспеченное будущее. Всё это давно миновало. На Черч-стрит, Церковной улице, где мы застряли в ожидании левого поворота, нет больше ни одной церкви, хотя когда-то, я слышал, было с полдюжины. Последнюю, кирпичную развалюху, давно заброшенную, с заколоченными окнами, снесли в прошлом году после того, как туда забрели какие-то ребяташки и провалились сквозь пол. Большой участок земли, где находилась церковь, теперь пустует. Многочисленные замусоренные пустыри Рэйлтона, как и продуваемые ветром прогалины между вагонами в депо, каким-то образом подрывают в людях надежду. Отсюда, где мы ждем возможности свернуть на Приятную улицу, видно то место, которое некий Уильям Черри, всю жизнь прослуживший на железной дороге, выбрал, чтобы покончить счеты с жизнью, улегшись среди ночи на рельсы. Сначала думали, он один из тех, кого уволили неделей раньше, но выяснилось, что дело обстоит с точностью до наоборот: он только что вышел на полную пенсию, получив все положенные выплаты. Отвечая на вопросы телекорреспондентов, его менее благополучные соседи выражали недоумение: у него же все было схвачено, говорили они.

Когда весь поток проехал и стало безопасно, Тедди свернул на Приятную улицу, самую неприятную из улиц Рэйлтона. По обе стороны она окаймлена замызганными одно- и двухэтажными складами и так круто карабкается вверх, что в снежную пору ей лучше не пользоваться. Даже сейчас, в середине апреля, подъем, я подозреваю, может быть труден для “хонды” — Тедди героически переключился на нижнюю скорость и продвигался вперед со скоростью аж пятнадцать миль в час. На полпути ровная площадка и светофор. Я предложил:

— Может, мне выйти и подтолкнуть?

— Ничего, это просто холод, — ответил Тедди. — Мы справимся.

Он, конечно, прав. Мы взберемся на гору. Почему этот факт лишает меня бодрости, вот что я хотел бы знать. Не могу удержаться от мысли, что Уильям Черри тоже боялся, что в итоге все пойдет как надо, если он не совершит какой-то отчаянный поступок, чтобы этому помешать.

— Я смогу я смогу я смогу*, — продекламировал я, когда светофор переключился и Тедди послал вперед Маленькую Хонду Которая Сможет.

Пару месяцев назад я по глупости вздумал заехать на тот же взгорок при легком снегопаде. Шло к полуночи, я возвращался домой из университета и не захотел воспользоваться более длинным — лишние десять минут — путем. В долгие пенсильванские зимы запрещается оставлять на ночь машины на обочине, так что улица выглядела пустынно и зловеще. Только моя машина и ползла по растянувшемуся на пять кварталов склону, и я благополучно добрался до той самой площадки, где сейчас остановился Тедди. На углу располагается офис моего страхового агента, и я помню, как мне

* Цитата из детской книжки “Паровозик, который смог”; простенькую историю о паровозике, который карабкается в гору, повторяя “я смогу, я смогу, я смогу”, восприняли как метафору американской мечты.

захотелось, чтобы он оказался там и стал свидетелем моего безответственного обращения с застрахованным автомобилем. Когда светофор переключился, колеса моей машины заскользили, потом шины сцепились с асфальтом, я протасился вверх последние два квартала, и оставалось уже не более десяти метров до вершины, когда я почувствовал, как колеса прокручиваются вхолостую и зад машины повело. Осознав, что на тормоз давить нет смысла, я откинулся на сиденье и спокойно созерцал последствия собственной опрометчивости. Мотор заглох, все прочие звуки поглощал снег, и, словно в немом балете, я изящно съезжал с горы задом до все той же площадки и думал, что там и остановлюсь, точно перед страховой конторой, но автомобиль перевалил через край площадки и проскользнул нижние три квартала, подсакивая на ухабах, как бильярдный шар, и, наконец, замер перед воротами депо, в значительной степени утратив равновесие, но более никак не пострадав. Моя приятельница Боди Пай живет в квартире на третьем этаже поблизости от подножия взгорка, и она утверждает, что наблюдала мой балетополет и я, дескать, заливался при этом безумным смехом, — сам я ничего подобного не помню. Единственное осознаваемое мной в тот момент чувство было схоже с тем, которое я ощущал сейчас, поднимаясь с Тедди на ту же самую гору, — своего рода разочарование из-за того, что драматическая ситуация так просто разрешилась. Тедди уверен, что мы сможем, уверен и я. У обоих — бессрочный контракт.

Вырвавшись из города и омолодившись, “хонда” понеслась по двухполосному шоссе, как мультяшный автомобиль с большой глуповатой улыбкой (Я Смогла Я Смогла), сельская Пенсильвания пролетала мимо окна. На деревьях вдоль обочин уже набухли почки. Дальше от дороги, в глубине леса, еще сохранились пятна грязного снега, но вовсю пахло весной, и Тедди приоткрыл окно, чтобы насладиться свежестью. Бриз колыхал его редеющие волосы, и мне почти мерещилась

свежая поросль на его скальпе. Знаю, он хотел опробовать “Рогейн”*.

— Ты везешь меня домой только затем, чтобы пофлиртовать с Лили, — подколот я.

Тедди залился краской. Вот уже более двадцати лет он невинно влюблен в мою жену. Если существует такая вещь, как невинная влюбленность. Если существует такая вещь, как невинность. С тех пор как мы построили дом за городом, Тедди уже не так часто выпадает возможность повидать Лили, и он всегда высматривает подходящий предлог. В те редкие субботы, когда мы все еще играем по утрам в баскетбол, он заезжает за мной. Площадка для игры находится в нескольких кварталах от его дома, но он уверяет, что четырехмильная поездка в Аллегени-Уэллс — не крюк. Однажды ночью, десять с лишним лет назад, он по пьяни признался мне, что околдован Лили. Едва тайна вырвалась из его уст, как Тедди потребовал с меня обещания не выдавать его.

— Если ты расскажешь ей, богом клянусь... — бормотал он.

— Глупости, — сказал я. — Разумеется, я все расскажу ей, как только вернусь домой.

— А как же наша дружба?

— Чья?

— Наша. Твоя и моя.

— Какая дружба? — переспросил я. — Это ведь не я влюбился в твою жену. Перестань рассуждать о дружбе. Мне бы следовало тебе врезать.

Он пьяно ухмыльнулся:

— Ты пацифист, не забыл?

— Это не значит, что я не могу тебе угрожать, — ответил я. — Это всего лишь значит, что ты не обязан принимать мои угрозы всерьез.

* Популярная в Америке марка стимулятора роста волос.